

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ФЛАЭРТИАНА

Борис Ихлов

Я не филолог, потому называю лопату лопатой и свято придерживаюсь завета «Друг Аркадий, не говори красиво». В качестве лирического отступления хотелось бы уточнить, принадлежит ли искусство народу? Вы хотите взять книжку в библиотеке? Напрасно. Чтобы прочитать книжку, вы должны минимум пройти бакалавриат филфака. Художественный фильм посмотреть? И не думайте, для этого нужна магистратура. О художественной галерее и не заикайтесь, тут без кандидатской степени – никуда.

Бьенсон считал: для того, чтобы смотреть картины, вовсе не нужно знать биографии художников, особенности их творчества и т.д. Рокуэлл Кент говорил: «Я не знаю, что такое искусство, я знаю только то, что мне это нравится, а это – нет». Несчастные! У нас в России всё по-другому. Всего-то лет десять назад Константин Райкин со сцены высокомерно высмеивал зрителей, которые прислали негативный отзыв на один из его фильмов: «Надо же, знатоки выискались!»

Если шокирует какое-нибудь лазерное шоу или шатание актеров между рядами зрителей – искусствовед объяснит темной публике, что это инсталляция. Если вы утречком, выйдя из дома, обнаружили, что некие раскрепощенные злодеи вечером загрузили ваш автомобиль мешками с цементом, потом обильно полили водой, отчего застывший цемент разворотил машину, и вы уже собрались кричать полицию, тут же подскочит искусствовед: «Какая безграмотность. Это же хепенинг!» Как и прибывание мошонки к мостовой. Как бы огрел протестом, как бы закатал искусствовед Образцова с его куклами, посягнувшего на святая святых, на музыку сливного бачка, рельсы и кошачьего визга. Как много тайных смыслов открыл бы искусствовед в эпической картине «Сеятель» О. Бендера. Не говоря уже о картинах «100 консервных банок» Грея Уолтера в Лувре или «Писсуар» Марселя Дюшана. То бишь, «Фонтан».

Ну, разве не прав был классик в письме Горькому, утверждая, что в головах интеллигенции вместо мозгов – продукт кишечного гидролиза. Вот что о модерне пишет Михаил Лившиц: «Я сыт по горло примитивом...» Я бы уточнил: примитивом уже не XX, а XXI века.

В долгое время безденежья пробился с отчаяния на какую-то лекцию по сетевому маркетингу, продажа продуктов питания. Еще до камлания столкнулся с молодым трепливым лектором, которому попенял, что рекламируемые им товары – не качественные. Лектор возразил: «Вы специалист, эксперт-диетолог?» У меня аж дыхание перехватило: «Главный в мире эксперт – мой желудок».

Так вот, я не знаю, что такое искусство. Но знаю, что «Закат Европы» Шпенглера мне не нравится. Невзирая на Свасьяна. Он не влюблен в Шпенглера, как говорят литературоведы. Он перестроился. Всё самосознание культуры, изъеденное вдоль и поперек еще до 1991 года – всего лишь судорожная реакция российской интеллигенции на замену красного бантика триколором на лацкане элиты КПСС.

Теперь скажите, будет ли рабочий после тяжелой смены, после черного, монотонного, отупляющего, обезличивающего (Маркс) труда смотреть фильмы Бунюэля или читать «Улисс» Джойса?

Увы, ныне свободу понимают как угодно, но только не как свободу от распредмечивания абстрактной гайки в голове рабочего.

Обратимся к названию культурного события. Спонсоры международного кинофестиваля документального кино – минкульт РФ, «Российская газета», Польша, «Эхо Москвы» (куда нынче без него), Чехия, Израиль, Норвегия, еще присоединились некоторые пермские конторы. Направленность predetermined. Правда, есть еще Италия, Франция, Институт Гёте, название фестиваля – по имени американского документалиста Роберта Флаэрти. Солидно!

Фоэрти снимал жизнь эскимосов, аборигенов одного из островов Самоа, британскую индустрию. Вместе с Д. Вертовым он был родоначальником документального кино.

Однако странное чувство возникает, когда узнаешь, что название придумали основатели фестиваля: пермяки Паша Печенкин, Вова Соколов и Марина Гашкова. Особенно если иметь в виду уровень пермского кинематографа. И пермской поэзии.

Однажды привез Паше фильм британского режиссера Мак Говерна «Докеры», о забастовке в Ливерпуле в 1994 году, вместе с кадрами подготовки фильма. В интернете фильма тогда еще не было, в России тем более. Фильм не только художественной, но и документальный, в нем всего два профессиональных актера, прочие актеры – сами докеры и их жены. Понимал, что нарушаю право интеллектуальной собственности, но упрощил актеров на премьерке в Ливерпуле подарить Перми фильм. Предложил Паше устроить серию просмотров для пермяков, бесплатно. Фильм замечательный, однако Паша и не подумал устроить хоть бы один просмотр. Более того, когда я забрал кассету, выяснилось, что Паша безнадежно ее испортил, осталась подготовка к фильму, самого фильма на кассете уже не было в помине.

Стоит ли говорить, документальное кино «Флаэртианы» не коснулось похищения сербских детей албанцами после бомбардировок Белграда, антиамериканской революции в Аргентине 2001 года, катастроф в Ираке, Ливии или Сирии, антифашистского восстания в Донбассе. Фестиваль - это же хроники, документальное кино, не что-нибудь вам. Полмиллиона мирных жителей Ирака было уничтожено, а документалист снимает летающую муху. И так сочно, так художественно, что хочется смотреть и пересматривать, только бы не думать об окружающей тебя чудовищной реальности.

А, вот и американец Саша Кулак с фильмом «Хроники ртути». Если вы ничего не поняли, не огорчайтесь, это сложно. Это так называемый эксгибиционизм в документальном кино, перемешанный с «потокосознанием». Вместо опостылевшей всем войны показывают реальный фургон, который куда-то едет, реальную бабу с собачкой, фейерверк, показывают бородастого мужика, который едет на велосипеде и поет песню. Хроника! А если еще живописно снять собственный пупок, вид справа, вид слева, вид сверху, пупок в движении, тайная жизнь пупка под трусами – масса впечатлений! Не слышали, как на 223-м телеканале американские юные пустоголовые актрисы рассказывают публике о своих фильмах – чтобы публика не сомневалась, что видела шедевр? «Мне хотелось показать переживания любовь, размышления...» Как думаете, что за фильм? Про маньяка-убийцу.

Итак... Есть у пермской провинциальной интеллигенции потребность щегольнуть столичной поэзией, экстравагантностью, равно как и столичной неадекватностью, заодно и эдаким легоньким, желательно «несистемным», оппозиционным либерализмом в духе бывшего губернатора Чиркунова, сбежавшего в свое поместье во Францию. Уж если приглашать в гости поэта, так не просто поэта – поэта-концептуалиста. Нельзя сказать просто - кинофестиваль. Нет, Флаэртиана. И зал – не просто зал, кампус! У Шпенглера природа – всего лишь образ, предназначенный для измыслов художника, у пермской интеллигенции - «Пермь как текст». Правда, светские тренды доходит до деревенской Перми далеко не сразу, с люфтом по времени. В Москве уже мода новой мифологии, Москва перешла к новым формам манипуляции массовым сознанием, патриотическим, к новой наглости, новой глупости, новому хамству, а Пермь всё никак не может переползти на следующую дорожку виниловой пластинки.

В связи с этим вспоминается название на одном сарае пермского центрального рынка: «J'ai Osé» (я осмелился). И еще: перевод надписи на этикетке женских духов «Wings of love» - «Ветра любви». Шоп «М. Лиза». Салон мебели «Фронда». Аптека «Медя». Салон красоты «Эстетик». Компьютерный центр «FROGGY». Магазин женского белья «Репер». Домофонная фирма «Парсек». И фильмы, беспощадно покупаемые и транслируемые на двадцати каналах, и во всех фильмах – fuck you! Fuck – это старая аббревиатура, *fornicate under consent of King*, «вступлю во внебрачную связь с согласия короля». Сегодня, когда сочетание «голубой экран» - вовсе не эпитет, не метафора, не гипербола и даже не гротеск, а суровая реальность, эти слова звучат как «хорошая погода», «как дела» или «скоро увидимся».

Мы живем в эпоху Марининой, Акунина, Кургиняна, Пелевина, Веллера, Донцовой, Прилепина, Млечина, Приставкина, Дудинцева и, простите, Рубальской.

В Перми не осталось ни одного художника (нельзя же считать приличным уровнем нелепое подражание Руссо, Пиромани, Тёрнеру и даже Левитану), ни одного поэта, кто погиб, кто бежал из Перми, ни одного скульптора (да и не было, а Рудик Веденеев сам о себе говорит, что не скульптор), ни одного композитора. Вместо театра – мат, испражнения, соития на сцене, театр «Театр». Почему бы не назвать рассказ «Рассказ» или роман «Роман». А в музыке на фоне пустыни – одинокая Выгузова.

Да что ж то я – вот газета «Газета».

Если в Екатеринбурге на новостройки любо-дорого посмотреть, в Перми не просто убивают людей – застройщики организуют пожары, чтоб расчистить площадки – их высотки растут, как чертополох. Город оклеен рекламой, как старый сундук у бабушки.

Олин пострадавший обратился к выходящему из театра «Театра» после спектакля актеру:

- Что вы играете, ведь это же маразм.

На что актер равнодушно отвесил:

- Мнение зрителей меня не интересует.

Фридрих Шлегель, ничтоже сумняшеся, провозглашал, что государствами должны управлять люди искусства. И мы их видим в Государственной Думе. Он выражают мнение всех, врачей, учителей, рабочих. В то время как самим врачам, учителям, рабочим заткнули рот. Эстафету подхватил Сталин: управлять должен «орден меченосцев». Дело Шлегеля-Сталина продолжил Ортега-и-Гассет: не может черномазый играть на рояле, управлять должны особые люди, «слышащие подземный гул истории», каста. Процесс завершился в КПРФ призывом к управлению компетентных, мнение прочих партию не интересует. Но если самого Ортегу так и не призвали в правители, проигнорировали, его завет социального партнерства (между буржуазией и рабочими) был

подхвачен той же КИПРФ. На кой? Да потому, что он стал знаменем демократии. В 1994-м был в Манчестере на Глобальном форуме под эгидой ООН по программе Альберта Гора. Идеологией форума было провозглашено именно социальное партнерство. Увы, один из партнеров не выразил желаний, на форуме не было ни одной акулы империализма. В таком безвыходном положении один из членов пермской делегации, главный борец за права граждан, мошенник Алеша Черных учредил – в рамках форума – секцию социального партнерства. На эту секцию из 1500 участников форума пришло двое: сам Алеша и его любовница.

Как чеканно сформулировал один из партнеров, бизнесмен Полонский, отношение к другому партнеру: «У кого нет миллиарда, может идти в жопу».

Однако не надо думать, что идеи интеллигенции совсем уж никуда не годятся. Социальное партнерство между буржуазией и рабочим классом осуществилось-таки в истории! В гитлеровской Германии.

Нарциссизм в искусстве – со времен Шлегеля, сегодня этот невроз стал эпидемией.

Зато какая пластика, какие фронтоны, анфилады, целлы и портики, какое сочетание цвета и света, а еще сверху – символ! Правда, что этот символ означает, начальную букву какого именно слова – город теряется в догадках. И еще один символ – яблоко с древа познания у врат краевой библиотеки. Правда, это символ означает, что в библиотеку должны ходить голыми и заниматься там известно чем.

Если же называть лопату лопатой, то на въезде в город – дурацкая огромная табуретка из грязных бревен, а у библиотеки – ком грязи с выщербленным куском, видны кирпичи (гранит науки) и воткнута водопроводная труба, символизирующая черенок. И, поскольку это всё о, символы, Символы, СИМВОЛЫ - они будут продолжать мозолить глаза необразованным пермякам. Марат Гельман, настоящий визионер распила бюджета, так и сказал: «Вы ничего не понимаете в искусстве. Поэтому мой вам совет: терпите». Ну, а навозный жук с шариком дерьма, прямо у табуретки – это, знаете ли, коллективное бессознательное Марата, проявление его архетипов - героя-жука и матери-земли, чтоб вам пусто было. Или нет: шарик дерьма – это вытесненная самость Марата Гельмана...

Мы живем в эпоху ничтожества властей, ничтожества оппозиции – всяческой, ничтожества рабочего класса, ничтожества молодежи, ничтожества так называемого интернет-сообщества, ничтожества интеллигенции. К которой, к сожалению, вынужден относить и себя. Деревянная голова власти вопрошает инженеров человеческих душ: «Что делать? Освети путь во мраке». И слышит в ответ: «Чего изволите?» - оторопело констатирует декан журфака Вова Абашев.

В предисловии ко второму тому «Истории мировой литературы» А. Д. Михайлов пишет: «В процессе развития литератур Средневековья фольклор все более отходил на периферию словесности».

Уступая, добавим, место авторскому неврозу под названием «нарциссизм».

Но ведь ненадолго.

Переводчик Барков своей «Девичьей игрушкой» резко изменил русскую поэзию. Язык Пушкина – не язык Сумарокова, Тредиаковского, Ломоносова, Державина и даже Жуковского. Баркова Пушкин знал с детства, «Девичья игрушка» лежала в шкатулочке его дяди. Отсюда не только «Вишня» или «Сорок дочерей», отсюда современный русский язык.

Фольклор – не только сказки, сказания, притчи, былины, песнопения, пословицы, поговорки или матерщина.

Различим. Гашека упрекали за использование мата. Мат, возражал Гашек – это часть чешского фольклора. «... резнуть усталый светский слух латынью медиков или жаргоном шлюх...» Запрещать мат в «ДМБ» или в «Они сражались за родину» - значит лишать произведение изюминок. Запрещать нужно, когда мат хлещет через слово. Ибо, как говорил Генрих Нейгауз, «звук должен быть закутан в тишину, он должен покоиться в тишине, как драгоценный камень в бархатной шкатулке».

Так вот, фольклор – это и народный говор. Он не только у Пильняка, Бабеля, Замятина или Платонова, он уже у Достоевского с его «облизьяной зеленой». Хотя Достоевский писал всё о князьях, будто не вылезал с ними из джакузи. В Европе – и в «Фаусте», и в «Легенде о Тиле Уленшпигеле». Весь «Тихий дон» - это кубанский говор. И мы рады ему! И душевной девке, и гулящей бабе, и сопле неубитой.

Утверждают, что Барков – это не фольклор, а площадная речь, что по теории и истории литературы «вторжение низов» не превращает литературное произведение в фольклорное, что авторы часто стилизуют свое произведение под фольклор... Но речь вовсе не о превращении произведения в фольклорное. Я говорю о влиянии фольклора, устной речи низов, о существенном изменении литературы.

Да, авторы часто стилизуют свое произведение под фольклор. Но я бы сказал - не стилизуют, а просто переносят. Ну, откуда взяться было бы у Тургенева или Бунина замятинскому Барыбе.

И не может быть по-другому, потому что новый язык, как пишет Михайлов, творит литературу. Именно так, как сказано в неверной отчасти формулировке: «Музыку творит народ. Мы, композиторы, лишь ее аранжируем».

Вторжение в литературу говора низов – не только в холодной России, но и в горячей Латинской Америке, у Маркеса, Кортасара, Карпентера. Разве не литературоведческая «генетика»? Уж если между континентами генетика – так внутри нации тем более. А происхождение ее, генетика «генетики»? – Революция. В Мексике и России.

В начале прошлого века, когда Бердяев и Шпенглер предельно актуально отправляли культуру Европы к праотцам, случился необычайный взлет культуры человечества. Это не только авангард в российской живописи, не только Маяковский, Есенин, Цветаева, Ахматова, Мандельштам, Нарбут, Пастернак, Блок, Белый, Бальмонт (эпоха четырех «Б», кто четвертый – не знаю) и УХОДЯЩИЕ Брюсов, Северянин, Клюев. Не только Бабель, Пильняк, Замятин, Платонов, Леонид Андреев, Булгаков, Катаев, Каверин, Шолохов. Не только великая американская и великий европейский кинематограф, не только Скрябин, Мясковский, Прокофьев, Шостакович, Свиридов. Это рождение квантовой механики, специальной и общей теории относительности, это открытие расширения Вселенной, пульсаров и квазаров, это первый самолет, первые электростанции, открытие протона, нейтрона и нейтрино, это структура ДНК, генетика, синтетическая теория эволюции, антибиотики, это мазер и лазер, выход в космос, наконец.

Даже выдавшие виды французы, побывав в 80-е на выставке «Москва – Париж», где и был представлен, в основном, тот самый авангард 20-х, заявили: «Искусство XX века состоялось».

Наконец, поголовное привитие оспы, далее победа холеры в 1925 году, ликбез еще во время Гражданской и всеобщее среднее в 1932-м. Ни одна реформа ни в одной стране мира не давала такую зеленую улицу детям из низов, и дети из российских низов стали мировой научной и технической элитой.

«Закат Европы» - это самосознание Крупнов и Тиссенев, которым Антанта пнула под зад солдатским сапогом, Ротшильдов, Шиффов и Рокфеллеров, которых экспроприировали, если кто забыл, 50% экономики царской России принадлежало западному капиталу. Если не победить в бою – так хоть на словах, хоть на словах затащить в могилу и победителей.

Вероятно, Шпенглера ткнули-таки носом. Потому в апреле 1921 года он пишет:

«Понятие катастрофы в заглавии книги не содержится. Если вместо "закат" сказать "завершение"... то элемент "пессимизма" будет исключен, от чего истинный смысл понятия несколько не изменится... Книга обращалась к людям действия... Дать образ мира, с которым можно жить... было подлинной целью моего труда... Человек действия живет в вещах и с ними... Всякая строка, написанная не для того, чтобы служить практической жизни, кажется мне не нужной» ("Пессимизм?" Preussische Jahrbucher).

Действительно, поражение, экспроприация – как жить?? Завершится Европа, гадал Шпенглер, к 2000 году. Но к 2000-му Европа чувствовала себя прекрасно. Она завершилась только в 2008-м. И не сама по себе, а потому что деградировали США. А США деградировали потому, что распался СССР. А СССР распался вовсе не потому, что социализм-коммунизм, которых в нем никогда не было, а потому, что работали вполне объективные политэкономические тенденции, точно такие же действуют и в США.

Шпенглер писал чепуху не только о России. А. С. Алексеев отмечает: «... суждения О. Шпенглера об искусстве Древнего Египта позволяют нам узнать очень многое о впечатлении, произведённом этим искусством на О. Шпенглера, но они не имеют решительно никакого отношения к жизни и культуре древних египтян».

Но КАК написано, а? Хочется читать и перечитывать... Так вот, закрученность, витиеватость – вовсе не художественность, не литературность. Именно в таком стиле писало подавляющее большинство московских светильников разума из неформальной среды: анархистов, социалистов, троцкистов, зеленых, новых кадетов, диссидентов, маоистов и т.д., и т.п. Все использовали специально длиннющие предложения с нарочито усложненными оборотами, с массой отсылок к философам древности, поэтам и писателям, со множеством «измов», образов, сравнений и эпатажей, обильно посыпая текст мудрёными словечками и фразочками на латыни, английском, французском или даже на санскрите. Каждый хотел показать себя самым умным, чтобы к нему прибилась как можно больше адептов и чтобы на него обратили внимание власти. Особенно свирепствовал анархист-одиночка Вадик Дамье, ему хотелось напугать ежа... то бишь, нас, неформальных марксистов. Ваш покорный слуга грешил тем же, мне казалось, уж коли все так пишут, нужно каким-то боком соответствовать. Так что идиосинкразия к такому стилю у меня с 80-х. Сережа Кургинян же по сей день порой пишет в такой манере.

Никакой художественности, филологичности, литературности в текстах Шпенглера нет. Извините, мягко говоря, не Достоевский. Увы, нет мальчика в толпе академиков, чтобы крикнул: «Король-то голый!»

Великая эпоха порождает великих людей. «Если у эпохи нет великих людей, она их выдумывает»... Современная российская литература ничего не смогла впить в себя, кроме фени.

Современная российская естественная наука ничего не придумала лучше, как измерять Фаворский свет и мироточение, искать по миру Ноев Ковчег, проводить опыты по шинкованию капусты на расстоянии, усилием воли, по сверлению стенок взглядом, словом, наводнять массовое сознание обскурантизмом и мракобесием, мифами о заговоренной воде, о сглазе и порче, о параллельных мирах, пятом измерении и убийстве собственного дедушки в далеком прошлом, об информационном поле Вселенной и торсионных полях, о... всего не перечислить. Да за такие деньги я бы второе пришествие Христа организовал. Понятно, каждый думает о котлете. Но не до такой же степени ронять собственное достоинство.

«Вчера посралась (так в скриншоте) с биологичкой. Она доказывала, что Земле несколько миллионов лет. На мой аргумент, как может такое быть, если сейчас только 2016, она ржала и ничего не могла ответить. Очевидное доказательство того, что нашей системе образования нужна своевременная селекция. Молодые кадры сидят без дела, а старухи со старческим маразмом чему-то пытаются учить детей в школах, и потом еще удивляются, что поколение деградантов».

Итак, некий блогер, известный в Перми (уже смешно), не понял фильм, который, оказывается, режиссером Феллини, да еще с ассоциациями насчет Шпенглера.

Скажите, а где, в каком кинотеатре Перми демонстрировали фильмы Феллини? Даже тот кинотеатр, который специально возил кассеты из Госфильмофонда, показал всего лишь один фильм Феллини, «Амаркорд», единственный раз, для зала в 150 человек.

Может быть, после перестройки в какой-то телепередаче, на какой-то презентации говорили о Феллини, чтобы люди знали, что на свете существуют Антониони, Бертолуччи, Акиро Курасава, Герасимов, Балаян, Тарковский, Митга, Козинцев, Титов, Лариса Шепитько, Климов, Гринуэй, Абуладзе и другие великие режиссеры? Нет. Презентуют и показывают фильм о том, какие убогие эти русские подводники, а космонавты вообще только из пещеры выбрались.

Приведу случайный диалог с одним парнем в автобусе, как оказалось, он смотрел один фильм фестиваля. Разговорились.

- Муть.

- Почему?

- Муть, и всё. Вся ваша журналистика, филология - муть.

- Как, и Достоевский? Это ж интересно...

- Не читал. И не буду. Понимаешь, я сейчас сижу на героине...

Есть и другая сторона медали.

На одном из сайтов предложили решить несложную задачку. Некая учительница физики заявила, что задачка не имеет решения. Другая учительница физики привела неверное решение. Написал им два варианта правильного решения. «Нет! – возмутилась вторая учительница, - нужно решать так, как я решила!»

Попробуйте в интернете объяснить, что путешествий во времени не существует, что Ермакова – безграмотна, она вовсе не хочет кого-то защитить, просто делает деньги на больной теме ГМО, что Путин – лишь представитель правящего класса, от его замены счастья не будет – залупляют! И главный аргумент: «У тебя все дураки». Воинствующая безграмотность.

Но ведь эта и наша с вами вина.

Началась гиперинфляция. Смертность вдвое превысила рождаемость. Разве не виновен кумир публики, актер Юрий Яковлев? Когда ему задали вопрос, стоят ли принципы демократии куску хлеба, Яковлев ответил: «А... разве это интеллигентно - говорить о куске хлеба?»

Не лишне привести диалог Вивекананды с представителем интеллигенции, членом общества матери-коровы:

- В Индии голод, что вы сделали для спасения людей от голода?

- У нас другие задачи, мы охраняем корову.

- Неужели вам не жаль бедняков?

- Такова их карма.

- Коровы, идя на бойню, тоже следуют своей карме.

- Как Вы можете так говорить, корова – мать наша!

- По Вам я это явственно вижу.

«Если в моей стране голодная хоть одна собака, - бросает Вивекананда всему клерикализму в физиономию, - моя религия состоит в том, чтобы накормить ее».

Обрушили школьное и профтех. образование. Чем занималась интеллигенция? Шипела из-за кустов. Да нет, вообще молчала. Кто заинтересован в науке? Производство. Рабочие. Чем занималась интеллигенция, когда шла реформа РАН? Издавала вопли. Ведь было же говорено: идите к проходным заводам, господу профессору. Куда там. Они выше этого.

Аутисты, плотно законопатившие свои уши построениями, конструкциями, ассоциациями, символами, догмами.

Было так. Противиться вышел официальный профсоюз, карманная ФНПР. Интеллигенция пермского классического университета – что ей, не работать, а смену всё равно оплатят – тоже вышла. Не сама - по призыву, под флагом ФНПР, безопасно. И несла университетская интеллигенция, не совестясь собственного нарциссизма, плакат с надписью: «Не губите интеллект нации». Да-да, именно так, с одной буквой «л».

Даже не говорю о том, что интеллигенция полностью проигнорировала массовые увольнения рабочих. И по сей день она поминает рабочий класс и крестьянство с каким-то недоумением, как нечто неуместное, хуже: как нечто мерзкое, противное.

Ленин писал, что интеллигенция первой чувствует классовое угнетение. Как он ошибался!

Указывая на безграмотного блогера, интеллигенция указывает на самоё себя.

Да, экономическая ситуация определяет. Но.

Пушкин был не просто убит на дуэли. Он был вытеснен с книжного рынка ширпотребом гораздо более писучего Фаддея Булгарина, Пушкина не читали. Только после гибели поэта Белинский, Герцен повели очистительную войну в литературе. Тогда барышни на лавочках у прогулочных тротуаров стали говорить одна другой: «Нравится Булгарин – а сказать стыдно!»

И еще. Если начинить фильм песенками на стихи Ахмадуллиной или Цветаевой, он от этого не перестанет быть дешевой мелодрамой. Если искусствоведы нагромоздят Джомолунгму киноведческих построений над фильмом, напичканным символами – он вполне может быть посредственной тянучкой.

Бернард Шоу пишет: если клоун и стайка хорошеньких девиц на сцене приносят больше дохода, по боку Моцарта. Я против потребительства в искусстве, против его коммерциализации, против масс-культуры, когда Майкл Джексон и Гарри Поттер заменяют Гершвина и Драйзера. Но вот какой однажды был случай. От безденежья занимался коммерцией, как-то в гости заглянули молодой рэкетир со своей юной проституткой. Взбрело в голову почитать им стихи Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, «У меня в Москве купола горят», «... запела птица голосом блаженным...», «Рояль дрожащий пену с губ оближет». Оба плакали.

«Музыка должна высекать огонь из человеческой души».

Мент, мент! Бывший оперативник, сунул ему текст «Колокольчики мои...» Оперативник читал вслух, дошел до строчки «... и не блещет, как огонь, твой чепрак узорный...» - и вдруг открыл рот, судорожно вздохнул и схватился за лысину.

Поэт, писатель, кинематографист – умеют захватить читателя, зрителя. Вы поняли, почему захватывают?! Не-ет, вы не о том подумали. Не о так называемых ценностях речь. Современные общечеловеки не в силах различить бедного и богатого, который грабит бедного. Согласно обществоведческой науке оба слились в экстазе, в единой России.

Так вот, если не умеют захватить – они не художники. Будь хоть трижды модернисты. Нет в них таланта, пусть катятся.

«Мотовилихинские заводы» обанкротились, слышно, нет? Разрушение экономики генерирует разрушение культуры. Потому что частью культуры цивилизации является производственная культура.

Режиссер фильма «Каренина и я» - Томмазо Моттола. Неясно, почему зарисовки, предваряющие художественный фильм, решили объявить отдельным фильмом.

«Звезда норвежского театра Гёрильд Маусет поставила себе почти невозможную задачу: сыграть роль Анны Карениной в России на русском языке» - так пишут в СМИ.

Скажите, причем здесь документальное кино?

Выбор актрисы довольно странный, она уже в возрасте, да еще страшненькая, как и главная актриса в сериале «Мастер и Маргарита». На протяжении фильма Маусет кокетливо улыбается. У нее, видите ли, возникло «новое желание». И всё для нее так странно, очень странно. Русские. Толстой. О! Я хочу это, я хочу, - говорит актриса. Что крайне познавательно для зрителя. Показано, как она с сумкой поднимается по лестнице. Это хроникальные кадры. Она еще и своих детей в путешествие прихватила.

«Это очень интересно», - говорит Моттола. Что тоже познавательно.

Еще актриса поведала, что ей нужно было изучить всего Толстого. Таким образом, могло бы показаться, что до фильма «Анна Каренина» нам, вероятно, не дожить. Дожили! Оказалось, смотря что понимать под изучением. Вот что говорит о героине романа Толстого актриса: «Анна, конечно, негативный пример. Она совершает так много ошибок. Но именно поэтому мы, даже сегодня, можем чему-то у нее научиться. В своих поступках Анна даже похожа на мужчину. Иногда мы говорим о мужчинах, что они думают не головой. Естественно, по отношению к женщинам мы не можем употребить это выражение. Но про Анну хочется сказать именно это». Поневоле вспомнишь анекдот о японце, который за день выучил русский язык.

В аннотации пишут: «Фильм представляет собой уникальное (!!! Б. И.) проникновение в душу актёра, показывая жизнь на границе фантазии и реальности». Ах, вот как! Вот почему мы должны считать этот фильм искусством. Теперь, когда искусствовед нам всё объяснил... На границе фантазии и реальности! Дальше – хлеще:

«Литература, театр и реальная жизнь сливаются воедино, рисуя такой образ Анны Карениной, какого не было ещё ни в одном популярном голливудском или российском фильме. Этот фильм о том, как понимать любовь, переживать одиночество, идти за своими надеждами и мечтами и жить полной жизнью» (газета «Газета»).

Спасибо за разъяснение, мы не знали, как понимать любовь. И уж совсем не представляли, как нужно переживать одиночество.

Особенно приятно было смотреть, как улыбается молодой упитанный итальянский участник поездки, обнажая свои десны.

Не знаю, как оценило жюри немецкий фильм «Привет, искусственный интеллект», но слушать, как исполнители говорят о сознании робота или его мечтах – это впечатляет. Казалось бы – уже тема изъедена во многих фантастических постановках и книгах, начиная с робота Спида Айзека Азимова. Нет сомнений, с появлением «живых» роботов тема обрела второе дыхание. Правда, искусственный интеллект – это не только робототехника. Причем никакого отношения к интеллекту такая научно-производственная отрасль, разумеется, не имеет. Как говорил Лев Ландау, «совершенно очевидно: единственное, чего не может делать машина – так это думать». Ну, а уж наделять жестянку с чипами чувствами, да еще в течение полутора часов – это сфера детских фильмов, не более.

А знаете, что это? Это даже не умный, хотя и досадный редукционизм в духе Ахундова или Бонифатия Кедрова, на котором свихнулись все физики пермского университета еще до перестройки. Это деградация, снижение уровня религиозного обобщения до тотемизма, от первобытно-общинного строя до античности, т.е. до присобачивания предметам или явлениям души, заодно со сверхъестественными свойствами.

Речь не о чужой культуре. Речь о неприятии. Неприятии, когда дружба, человечность подменяются толерантностью, отношение к женщине – вывихами феминизма, дружбу народов – мультикультуральностью, антирасизм – обязательным засовыванием негров во все дыры.

Мира вашего я не приемлю. Потому, чувствую, верну свой билет. Пропади он пропадом.

«Афроамериканец» - это лицемерие, неужели неясно. Ни один советский кинорежиссер не стал бы рассказывать, как он возвращался домой, как данный фильм станет ключом, которым можно будет открыть всё на свете...

Съемочная группа решила познать Россию, проехав 11 тыс. км на поезде, от Калининграда до Хабаровска. Замечательная идея.

Да, фильм Дзиги Вертова, его первый фильм, восстановлен лишь в 2018 году. Но это хроника! Смешивать фильм Вертова «Годовщина революции» с прочим материалом фестиваля – даже не эклектика. Низводить эпоху до летающей мухи - это патология. И сам бы Флаэрти ужаснулся, как треплют его имя. Документалисты Великой Отечественной, позор, позор! Вы не художники. Паша Печенкин не отобрал на фестиваль ни один ваш материал. Ни один дипломник ВГИК не снизошел. Да и как можно – в духе нового гуманизма по отношению к эсэсовцам. Фрр! Фрр! Фрр! – то вертелись пропеллерами в дни пермского фестиваля Ромм, Вертов, Флаэрти и прочие документалисты в свои гробах.

Я обязательно посетил бы фестиваль. Если бы работал психиатром.

Мы живем в эпоху великих катастроф. Только вчера пала Троя, пришел в упадок Рим, вторгся Батый. Молодое пермское Северное кладбище заняло первое место в Европе по площади, обогнав древние Хайгетское и Пер Лашез. Причем на Хайгетском кладбище или Пер Лашез склепы разнесены на приличные расстояния, на Северном могилки – впритык. Если ускоренная по Троцкому и вдобавок насильственная коллективизация, раскулачивание середняков, репрессии в конце 20-х – начале 50-х унесли пять миллионов жизней, современные потери – тридцать миллионов (именно так по демографическим расчетам), только в России. А в Перми – «Флаэртиана». На фоне состязания по метанию навозных лепешек в городе Оса Пермского края. Какой там «пепел Клааса».

Интеллигенция наша делает всё, чтобы отгородиться от масс. То есть – от истории, от реальной истории, а не выдуманной гегелями, бердяевыми или шпенглерами.

Увы, прошли времена, когда Фолкнер писал «Деревню» или «Город», Золя – «Деньги», Марк Твен – «Письма с земли», Фицджеральд – «Великий Гетсби», Драйзер – роман «Финансист», Синклер Льюис – «У нас это невозможно», Стейнбек – «Гроздь гнева».

Увы, эпоха великих журналистов, Маркса, Ленина, Джона Рида, Вильяма Риса, Хемингуэя, Стейнбека, Гюнтера Вальрафа, Элиаса Канетти – тоже безнадежно прошла. Вы, жившие на свете до меня. Так что – пусть ничто не потревожит покой интеллигента, пусть дьявол не встанет на его пути, не тронет его уютный интеллектуальный хутор! - если не нравится данный текст, ничего страшного. Это всего лишь фельетон.